
ФЕНОМЕН ЛЮБВИ В РУССКОЙ КУЛЬТУРНОЙ ТРАДИЦИИ

М.В. Моисеенко

Кафедра этики
Факультет гуманитарных и социальных наук
Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 10а, Москва, Россия, 117198

Статья посвящена исследованию специфики феномена любви в русской культурной традиции. Явление рассматривается через призму русского фольклора, русской классической литературы, романа, светской живописи века Просвещения и православного искусства. В исследовании темы большое внимание уделяется воззрениям философов русского зарубежья: Н.А. Бердяева, И.А. Ильина, Г.П. Федотова.

Ключевые слова: любовь, культура, традиция, духовность, Россия, фольклор, русская классическая литература, романс, сердце, портрет, православное искусство, философы русского зарубежья, Н.А. Бердяев, И.А. Ильин, Г.П. Федотов.

Стержневым понятием и высшей ценностью русской культуры является любовь. Русская культура — это культура главенства духовного над материальным, содержательного над формальным, нравственного над правовым.

Любовь в русской культуре — это фундаментальное онтологическое состояние духа. Русская культурная традиция понимает любовь как духовное отношение к другому как к личности. Любовь здесь связывается с жертвенностью, аскетичностью и целомудрием. Русская культурная традиция несет идею, что ориентация только на любовь-чувство, «эрос» приводит к неподлинному отношению между личностями. Подчинение духа удовлетворению жизненных влечений угашает любовь. Русская культура понимает человека как духовное существо, обладающее нравственным законом.

К любви на Руси всегда относились целомудренно, как к таинству. М.М. Пришвин, знаток русской народной жизни, отмечал, что на Руси не говорили «люблю», здесь усматривалось что-то стыдное, физическое. Говорили «жалую», тем самым подчеркивая ответственность, заботу о любимом человеке.

Такие черты, как духовность, целомудрие, забота нашли отражение и в русских народных пословицах: «совет да любовь, на этом свет стоит», «где совестно, там и любовно», «одна думка — одно и сердце», «сердце сердцу весть подает», «живут душа в душу», «она им не надышится», «ради милого и себя не жаль». В русских народных сказках, отражающих нравственные представления русского народа, еще дохристианский пласт, счастье дается трудно, и за своей любовью героини сказок «идут отсель хоть за тридевять земель». К этому чувству относились очень трепетно, как к высшей ценности. Ради любви проходили испытания «огнем, водой и медными трубами». Животворящая сила любви готова победить даже смерть. За добро, которое сродни любви, природные стихии, животный сказочный мир и даже порой баба-яга отвечают добром.

Русская классическая литература XIX в. воспевала высокую духовность чувств, жертвенность, высокие страсти, тончайшие нюансы человеческих чувств. Доминировала моральная проблематика. Это и самоотверженность тургеневских девушек, для которых высокое жертвенное чувство любви составляло смысл жизни. Сам И.С. Тургенев всю свою жизнь преданно любил французскую певицу Полину Виардо. Это и бессмертное произведение Л.Н. Толстого «Анна Каренина», в котором смысл жизни Анны также в любви к Вронскому, и даже материнские чувства отходят на второй план. Нет любви — бессмысленна жизнь. «Война и мир», «Воскресение» Л.Н. Толстого: та же тема — смыслом жизни главных героинь оказывается любовь.

Русская классическая литература воспевала сильные страсти, но духовные, в меньшей степени носящие биологический характер. Ибо страсть — это всякое интенсивное влечение человека.

Многовековая русская культурная традиция не связывала любовь с удовлетворением влечения. Любовь — это всегда выбор между добром и злом. Здесь любовь не понимается как чувственная страсть, одержимость. Эрос не превозносится как самодовлеющее начало.

И.А. Ильин отмечает, что эротическое чувство должно быть подчинено духу, а не являться самоцелью. Биологический уровень как более низший должен быть подчинен духовному. И.А. Ильин отличает от любви вожделие, как явление душевное и инстинктивное. Следуя русской традиции отношения к любви, И.А. Ильин слагает в ее честь торжественный гимн. Он подчеркивает, что любовь — это избранность. Истинная любовь всепоглощающая, «тоталитарна», это искра Божия в человеке. Любовь — дар от Бога и природы. Она сама в человеке просыпается и им овладевает. Задача, по мнению философа, заключается в том, чтобы превратить это «пробуждение природы» в «посещение Божие».

Любовь — главная выбирающая сила в жизни, главная творческая сила человека. Она обязательно должна быть одухотворена, ибо без духовности любовь слепа, своекорыстна и подвержена опошлению. С точки зрения философа, культура без любви — мертвое, обреченное и безнадежное дело. Все великое, что было создано человеком, было детищем созерцающего, любящего и поющего сердца [1. С. 492].

Н.А. Бердяев, в свою очередь, подчеркивал, что если «любовь-эрос» не будет дополнена любовью «*caritas*», любовью-жалостью, ее результаты будут истребительны и мучительны. Эрос сам по себе жесток, он должен смягчаться жалостью. В любви Н.А. Бердяев видел индивидуализацию полового влечения, ограничивающую власть пола. Любовь — лична, индивидуальна, направлена на единственное, неповторимое, незаменимое лицо. Половое же влечение легко соглашается на замену, и замена, действительно, возможна. Настоящая любовь, считает философ, может возникнуть только в том случае, когда встреча не случайна, а есть встреча суженого с суженой. В любви есть проникновение в красоту лица другого, видение лица в Боге, победа над уродством [2. С. 81].

Накал страстей на духовном уровне, экзальтация чувств нашли свое отражение в русском романсе. Основу русского романса составляет эстетизированное страдание, которое переносит нас в мир «идеальных», высоких переживаний. Это лирика души, выражающей свои чувства в одиночестве. В романсе воспевается любовь, истинное чувство, выше и ценнее которого нет ничего. «Счастливая любовь казалась банальностью, не достойной особого внимания; не само по себе счастье, а счастье с привкусом неизбежной утраты, обреченное на разрушение под ударом судьбы, — только такое счастье считалось поэтичным» [3. С. 17].

Определяя специфику русской культуры, И.А. Ильин неоднократно подчеркивал, что это культура сердца: «Когда я произношу простое и живое слово „сердце“, я напоминаю тем самым о самой лучшей и самой точной мерке русской души и русской культуры» [4. С. 399].

Русский мыслитель, с точки зрения И.А. Ильина, поднимается до истинных высот именно как мыслитель, созерцающий сердцем. Там, где этого не требуется, он скучает или все же привносит любовь, поэзию, созерцание, красоту и религиозное чувство в предмет исследования. Российская самобытность раскрывается через свободно и предметно созерцающую любовь и определяющуюся этим жизнь и культуру.

Н.А. Бердяев, обращаясь к проблеме национального менталитета, в произведении «Душа России» также подчеркивал преобладание нравственной составляющей российского бытия, идеализацию чувства любви, максимализм, присущий национальному менталитету [5. С. 25]. Эти составляющие нашли свое отражение и в русском искусстве. «Здесь нет воображения без сердца, нет явления без любви, нет ни единой находки, которой бы не предшествовало размышление над сущностью мира и жизни» [6. С. 66].

Великие художники эпохи Просвещения, XVIII в., который вошел в историю русского живописного искусства как век портрета, проникались красотой человеческих чувств, благородством и глубокой одухотворенностью моделей. Прекрасные, полные благородства и нравственной силы пленительные образы русских женщин воспевали: Ф.С. Рокотов — портреты А.П. Струйской (1772), В.Е. Новосильцевой (1780); В.Л. Боровиковский — портреты М.И. Лопухиной (1797), Е.А. Нарышкиной (1799), Е.Н. Арсеньевой (1790-е), Е.М. Олениной (1791), Е.Г. Темкиной (1798), сестер Гагариных (1802), Е.В. Родзянко (1821); Д.Г. Левицкий — образы смолянок. И не случайно некоторые из них были воспеты также и поэтами. Так, замечательный поэт XX в. Н. Заболоцкий восторгался образом А.П. Струйской, посвятил ей проникновенные строки, пытаясь разгадать тайну этой русской Джоконды.

«Ты помнишь, как из тьмы былого, едва закутавшись в атлас,
С картины Рокотова снова смотрела Струйская на нас.
Ее глаза, как два тумана, полуулыбка, полуплач,
Ее глаза, как два обмана, покрытых мглой неудач.
Соединенье двух загадок, полувосторг, полуйскуп,
Безумной ревности припадок, предвосхищенье смертных мук».

В.Л. Боровиковскому удалось увековечить для потомков красоту человеческого чувства и высокую одухотворенность М.И. Лопухиной. Поэт XIX в. Я. Полонский также воспел ее образ:

«Она давно прошла, и нет уже тех глаз,
И той улыбки нет, что молча выражали
Странанье — тень любви, и мысли — тень печали.
Но, красоту ее Боровиковский спас.
Так, часть души ее от нас не улетела.
И будет этот взгляд и эта прелесть тела
К ней равнодушное потомство привлекать,
Уча его любить, страдать, прощать, молчать».

Е.А. Нарышкиной итальянский композитор Дж. Россини посвятил кантату.

И эти прекрасные женские образы — не плод воображения художников.

Н.А. Дмитриева, осмысляя феномен столь светлых, поэтичных, глубоких, любящих, сильных характером женщин, пишет о том, что женщины в русских дворянских семьях века Просвещения, освободившись от пут Домостроя, имели достаточное количество свободного времени, могли много читать, размышлять. Они не были скованы интересами службы, и часто даже опережали в нравственном и умственном развитии своих мужей и братьев, являясь прообразами пушкинской Татьяны и предшественницами жен декабристов [7. С. 387].

Философы русского зарубежья И.А. Ильин, Н.А. Бердяев, Г.П. Федотов, исследуя специфику национального менталитета, подчеркивали, что в культуре России доминирует «вечно-женственное начало». Г.П. Федотов в произведении «Лицо России» говорит о ней как о женщине, предлагая с любовью взглядеться в Лицо России и понять, за что мы ее любим. А. Блок восклицает: «О, Русь моя, жена моя». Скульптор М.О. Микешин, автор памятника, посвященного тысячелетию российской государственности в Великом Новгороде, изображает Россию прекрасной склонившейся перед крестом женщиной. И таких примеров в истории и искусстве России можно привести немало.

Православие органично легло на черты национального менталитета, что нашло отражение в православном искусстве.

Е.Г. Яковлев выделяет две основных тенденции понимания человека в христианстве: первая — человек есть только земное, греховное существо. Его земное существование, его физическое тело есть только временная оболочка, в которой пребывает бессмертная душа. Его реальное, физическое существование бездуховно, материально. И лишь в молитве, общении с Богом в нем просвечивает духовное начало, та бессмертная душа, которая живет в его теле. Эта позиция оказала влияние на искусство, связанное с западным христианством. Здесь пренебрежение к земной плоти, культивирование человеческих физических страданий. Е.Г. Яковлев отмечает, что в результате возникла необходимость контрдвижения в искусстве, в гуманистической интерпретации человека, которую принесло искусство Возрождения. Вторая тенденция: человек — существо земное и божественное, в нем соединимы эти две ипостаси. Он существо телесно-духовное. Такое понимание человека характерно для византийского христианства и православия в целом. Эта позиция оказала влияние на византийское искусство и на искусство

православных народов. В нем сочетание и даже гармония духовного и физического начал [8. С. 52—53]. Философия иконописи А. Рублева, величайшего русского иконописца — это гармония духовного и телесного начал, философия любящего и прощающего людей, сочувствующего им Спаса. Богочеловека, снимающего противоположность неба и земли, духа и плоти; гимн любви, мудрости, человечности и красоты, в отличие от концепции византийского иконописца Ф. Грека, приехавшего на Русь в XIV в. и оставшегося здесь навсегда. В основе концепции Ф. Грека лежит Страшный Суд, «устрашение» грешного человечества, драма «встречи», столкновения двух миров: духовного и физического. Спасение только в крайней степени аскезы. Правда, живя на Руси, в конце жизни он смягчается, и образы его святых строги, но не столь суровы.

Обращаясь к некоторым отличиям православного искусства от католического в деталях иконографии, подчеркнем, что, к примеру, нимб святого в католическом искусстве символизирует божественную награду свыше. Нимб же на православных иконах — соединение двух волей: воли человека, стремящегося к духовному совершенству, святости и воли Бога, откликающегося на это стремление и возрождающего в человеке данный каждому негасимый свет. На православных иконах Богородица и младенец обязательно одеты, обнажены только их лица, руки и ножки младенца. Духовное всегда преобладает. А носителями духовности являются лицо и руки, их выражение и жесты [9. С. 49—55].

Одной из существенных особенностей духовной культуры Древней Руси являлось преобладание в ней иррациональных компонентов над рациональными. В силу специфических условий исторического развития Древняя Русь не выработала особого пристрастия к строгим формально-логическим способам освоения бытия. И не случайно древнерусская икона конца XIV — начала XV в. стала своеобразной философией, «умозрением в красках». Живописцам удалось воплотить невыразимые словами тайны своего мировидения и духовности.

По образному выражению Г.П. Федотова, Софийная Русь сравнима с немой девочкой, которая так много тайн видит своими неземными глазами и может поведать о них только знаками. Русская икона софийна и сакральна. Е.Н. Трубецкой в своей работе «Умозрение в красках» подчеркивал, что древнерусская живопись представляет собой ответ на вопрос: «В чем смысл жизни?» Сама Вселенная должна стать храмом Божиим. В древнерусской живописи выражена идея мирообъемлющего храма. Мирообъемлющий храм выражает собою не действительность, а идеал. В храме утверждается то внутреннее соборное объединение, объединение в любви, которое должно победить хаотическое разъединение и вражду мира и человечества [10. С. 452—482].

Среди шедевров древнерусского искусства особое место занимают домонгольские иконы — образы поистине космической силы: «Богоматерь Оранта» («Нерушимая стена») в абсиде Софийского собора в Киеве (первая половина XI в.); «Ангел Златые власы» (XII — начало XIII в.); «Богоматерь Великая Панагия» (первая треть XIII в.); «Устюжское Благовещение» (1130—1140-е гг.) и многие, многие другие. Сохранились прекрасные храмы: Покрова-на-Нерли (1165 г.), Дмитриевский (90-е гг. XII в.) и Успенский (XII в.) соборы во Владимире, Георгиевский собор Юрьева монастыря в Новгороде (1119 г.), церковь Спаса-Нередицы под Новгородом (1198 г.) и образцы сакральной архитектуры более поздних эпох [11].

Глубокая духовность и нравственная красота древнерусского православного искусства — предмет национальной ценности и гордости современной России.

Трудно переоценить силу и значение прекрасного феномена любви. Любви к людям, миру, Родине, родным. Животворящая сила любви спасает, исцеляет, продлевает жизнь. Нет альтернативы ее благотворному влиянию. В русской культурной традиции — любовь — непреходящая ценность, основание и главная составляющая национальной культуры, имеющая свою ярко выраженную специфику, определяющуюся духовностью, нравственной красотой, милосердием, целомудрием, жертвенностью.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Моисеенко М.В.* Этико-психологические этюды И.А. Ильина // *Открывая современность заново: Сборник научных статей.* — М., 2011.
- [2] *Бердяев Н.А.* Самопознание. — М., 1991.
- [3] *Видгоф Л.М.* Улицами московского романа. — М., 2009.
- [4] *Ильин И.А.* О русской культуре. Сущность и своеобразие русской культуры. Три размышления // *Собр. соч.* — Т. 6. — Кн. 2. — М., 1996.
- [5] *Бердяев Н.А.* Душа России // *Судьба России.* — М., 1990.
- [6] *Ильин И.А.* О России и русской душе // *Собр. соч.* — Т. 6. — Кн. 3. — М., 1997.
- [7] *Дмитриева Н.А.* Краткая история искусств. — М., 2000.
- [8] *Яковлев Е.Г.* Эстетика. Искусствознание. Религиоведение. — М., 2003.
- [9] *Алексеев С.В.* Зримая истина. — СПб., 2006.
- [10] *Трубецкой Е.Г.* Умозрение в красках. Вопрос о смысле жизни в древнерусской религиозной живописи // *Тарасов Б.Н.* Человек и история в русской религиозной философии и классической литературе. — М., 2008.
- [11] *Моисеенко М.В.* Духовно-нравственные основания христианского искусства // *Восьмая заочная международная научно-практическая конференция «Актуальные проблемы науки, практики и вероисповеданий на современном этапе». Сборник материалов.* — Красноярск, 2013.

THE PHENOMENON OF LOVE IN RUSSIAN CULTURAL TRADITION

M.V. Moiseenko

Faculty of Humanities and Social Sciences
Peoples' Friendship University of Russia
Mikluho-Maklaya str., 10a, Moscow, Russia, 117198

The article is devoted to the research of the particularity of the phenomena of love in Russian cultural tradition. This phenomena is studied through the prism of Russian folklore, Russian classic literature, romance, secular paintings of the age of Enlightenment and Orthodox art. In this research the author pays particular attention to the judgments of the Russian philosophers abroad: N.A. Berdiaev, I.A. Ilyin, G.P. Fedotov.

Key words: love, culture, tradition, spirituality, Russia, folklore, Russian classic literature, romance, heart, portrait, Orthodox art, Russian philosophers abroad, N.A. Berdiaev, I.A. Ilyin, G.P. Fedotov.

REFERENCE

- [1] Moiseenko M.V. Jetiko-psihologicheskie jetjudy I.A. Il'ina // Otkryvaja sovremennost' zano-vo. — Sbornik nauchnyh statej. — M., 2011.
- [2] Berdjaev N.A. Samopoznanie. — M., 1991.
- [3] Vidgof L.M. Ulicami moskovskogo romansa. — M., 2009.
- [4] Il'in I.A. O russkoj kul'ture. Sushhnost' i svoeobrazie russkoj kul'tury. Tri razmyshlenija // Sobr. soch. — T. 6. — Kn. 2. — M., 1996.
- [5] Berdjaev N.A. Dusha Rossii // Sud'ba Rossii. — M., 1990.
- [6] Il'in I.A. O Rossii i russkoj dushe // Sobr. soch. — T. 6. — Kn. 3. — M., 1997.
- [7] Dmitrieva N.A. Kratkaja istorija iskusstv. — M., 2000.
- [8] Jakovlev E.G. Jestetika. Iskusstvoznanie. Religiovedenie. — M., 2003.
- [9] Alekseev S.V. Zrimaja istina. — SPb., 2006.
- [10] Trubeckoj E.G. Umozrenie v kraskah. Vopros o smysle zhizni v drevnerusskoj religioznoj zhivopisi // Tarasov B.N. Chelovek i istorija v russkoj religioznoj filosofii i klassicheskoj literature. — M., 2008.
- [11] Moiseenko M.V. Duhovno-nravstvennye osnovanija hristianskogo iskusstva // Vos'maja zaochnaja mezhdunarodnaja nauchno-prakticheskaja konferencija «Aktual'nye problemy nauki, praktiki i veroispovedanij na sovremennom jetape». Sbornik materialov. — Krasnojarsk, 2013.